

УДК 903.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.170.181>

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ЛИПЧИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

©2023 г. М.В. Храмцов

Липчинская культура исследуется почти 100 лет, но сведения о ее каменной индустрии фрагментарны. Липчинское поселение – эпонимный памятник липчинской культуры, расположенный в Слободо-Туринском р-не Свердловской области. По данным раскопок 1995–1996 гг. памятник содержит слои средневековья, раннего железного века, энеолита и неолита. Для изучения каменного инвентаря Липчинского поселения были применены типологический и технологический анализ. Было обработано 837 каменных предметов. Выяснилось, что в сырьевом аспекте население использовало не только качественные кремнистые породы, но и кварц, кварцит и различные виды сланца. Каменный инвентарь Липчинского поселения имеет пластинчато-отщеповый характер. Несмотря на небольшой удельный вес пластин в комплексе (14,7%), велик вес ретушированных пластин (72,4%). Значителен и типологический набор орудий из пластин: наконечники стрел, скребки, проколки, сверла, выемчатые орудия, острия. В то же время из отщепов изготавливалась часть наконечников стрел, скребки, а также сверла, проколки и острия, но в меньшем количестве. Широко представлен комплекс шлифованных орудий из сланца: ножи, тесла, топоры. На поселении четко выделяются две технологические цепочки, связанные с пластинчатым расщеплением и шлифованием плиток сланца. Каменный инвентарь Липчинского поселения не находит значительных сходств с комплексами эпох неолита-энеолита Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья. Некоторые совпадения возникают при сравнении с полуденским комплексом Кедровый мыс-1.

Ключевые слова: археология, каменный инвентарь, горно-лесное Зауралье, Нижнее Притоболье, неолит, энеолит, липчинская культура, типологический анализ, технологический анализ.

STONE INVENTORY OF THE LIPCHINSKY SITE IN THE LOWER TOBOL REGION

M.V. Khramtsov

Lipchinskaya culture has been studied for almost 100 years, but information about its stone industry is fragmentary. Lipchinsky site is eponymous site of Lipchinskaya culture located in the Slobodo-Turinsky district of the Sverdlovsk region. According to excavations in 1995-1996 the site contains layers of the Middle Ages, Early Iron Age, Eneolithic and Neolithic. In studying to the stone inventory of the Lipchinsky site was applied typological and technological analysis. 837 stone items have been processed. It was revealed that in the raw material aspect, the population used high-quality siliceous rocks, quartz, quartzite and various types of shale. The stone inventory of the Lipchinsky site has a blade-flake character. Despite the low percentage of the blades in the complex (14.7%), the weight of retouched blades is high (72.4%). The typological set of blade tools is also extensive: arrowheads, scrapers, piercers, drills, notched tools, edges. At the same time, part of the arrowheads, scrapers, as well as drills, piercers and points were made from flakes, but in smaller quantities. The complex of grinded tools made of slate is widely represented: knives, adzes, axes. Two technological chains are clearly distinguished in the site, connected with blade chipping and grinding of slate tiles. The stone inventory of the Lipchinsky site does not find significant similarities with the Neolithic and Eneolithic complexes of the Middle Trans-Urals and the Lower Tobol region. Some coincidences arise when compared with the complex of Poludenskaya culture in the Kedrovyy Mys-1 site.

Keywords: archaeology, stone inventory, mountain-forest Trans-Urals, Lower Tobol region, Neolithic, Eneolithic, Lipchinskaya culture, typological analysis, technological analysis

Введение

Энеолит Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья изучен относительно равномерно. Обобщенно схема его развития пред-

ставлена сосуществованием липчинской и шувакишской культур в Среднем Зауралье, липчинской, шапкульской, андреевской и сосновоостровской – в Нижнем Притоболье.

В позднем энеолите фиксируются контакты шувакишского и липчинского населения, а также сложение аятской культуры на территории Среднего Зауралья. Для позднего энеолита Нижнего Притоболья характерно шапкульско-липчинское-андреевское взаимодействие (Шорин, 1999; Чаиркина, 2005).

Липчинская культура занимает пограничное положение между регионами, протянувшись с запада на восток от Уральского хребта по территории зауральского пенеплена до Нижнего Притоболья и с севера на юг от южнотаежной зоны Западной Сибири до Южного Зауралья. Культура представлена в основном поселенческими памятниками и, несмотря на то, что исследуется около 100 лет, почти не имеет «чистых» археологических контекстов. Липчинские артефакты, по большей части, залегают совместно с шапкульской, шувакишской или андреевской посудой, но фиксируются памятники, в слоях которых липчинская керамика преобладает: нижние слои стоянок Разбойничий остров и VI Разрез Горбуновского торфяника, Шувакиш XI-Д и т.д. Памятники, материалы которых представлены только липчинской керамикой мало численны и исследованы только разведками (Шувакишский Исток, Полетаевка II, Дощаное V и др.) (Чаиркина, 2005). Данная ситуация привела к тому, что о каменной индустрии липчинской культуры существуют лишь фрагментарные сведения.

В связи с этим нам представляется небезынтересным обратиться к коллекции Липчинского поселения – эпонимного памятника липчинской культуры.

Липчинское поселение расположено в Слободо-Туринском р-не Свердловской области, на правом берегу р. Туры, при впадении в нее р. Липки. Памятник был обнаружен и исследован в 1925–1926 гг. П.А. Дмитриевым, который датировал комплекс ранним железным веком. В дальнейшем, материалы П.А. Дмитриева пересмотрел В.Н. Чернецов и сделал вывод об энеолитическом возрасте стоянки (Чернецов, 1953).

В 1995–1996 гг. группа исследователей из Института истории и археологии УрО РАН во главе с Н.М. Чаиркиной провела дополнительные исследования разрушающейся части памятника. Был сделан вывод о многослойности поселения – ее слои содержат керами-

ку эпохи средневековья, раннего железного века, энеолита и неолита. Энеолитический слой содержит андреевскую, липчинскую и шапкульскую керамику, неолитический – керамику кокшаровско-юринского типа (Чаиркина, 1996).

В коллекции раскопок 1995–1996 гг., согласно отчетам, содержится около 3300 каменных предметов. Обработке было подвергнуто 837 изделий. Сырьевую базу поселения преимущественно составляет кремль, кремнистые породы и сланец различных цветов, в меньшей степени – кварцит, сургучная яшма и халцедон. Присутствует как плитчатое, так и галечное сырье примерно в равных долях.

Типологический и технологический анализ

В коллекции присутствует представительная коллекция *нуклеусов* (13 экз.) разных типов: призматические (6 экз.), конические (2 экз.), торцевые (3 экз.) ядрища для снятия пластин и клиновидные нуклеусы под отщепы (2 экз.). Фиксируется 18 *нуклевидных обломков*, с которых в основном снимались отщепы (см. табл. 1).

Инструменты для камнеобработки представлены *отбойниками* (5 экз.), их фрагментами (2 экз.), *абразивами* различных видов (16 экз.) и их частями (4 экз.). Отбойники представляют собой кварцитовые гальки размером от 45,2×34,5×21,4 мм до 76,9×53×47,3 мм. В большинстве случаев рабочей частью служили концы галек (4 экз.): в трех случаях забитость и характерная звездчатость фиксируются на одном конце, в одном – на обоих концах гальки.

Абразивы и абразивные плитки можно условно разделить на желобчатые (4 экз.) и плоскостные (12 экз.). В коллекции присутствуют три желобчатых односторонних абразива и один – двусторонний. Все плоскостные абразивы (3 экз.) и абразивные плитки (9 экз.) использовались только с одной стороны.

Из 837 предметов, 123 экз. составляют пластины и их фрагменты. По ширине они составляют четыре основных промежутка: микропластинки (до 5 мм) – 2 экз., мелкие пластины (5,1–10 мм) – 40 экз., средние пластины (10,1–15 мм) – 59 экз. и крупные пластины (более 15 мм) – 22 экз. График распределения пластин по ширине из коллекции Липчинского поселения отличается от памятников мезолита и раннего неолита, в которых пик распределения приходится на

Таблица 1. Категории изделий Липчинского поселения
Table 1. Categories of items from Lipchinskoye site

Категории изделий	Тип сырья (породы)	Кол-во
Гальки и их фрагменты	кварцит	30
Гальки со сколами	кварцит	14
Отбойники и их фрагменты	кварцит	7
Нуклеусы	кремневые	13
Нуклевидные обломки	кремневые	18
Продольные сколы с нуклеуса	кремневые	8
Поперечные сколы с нуклеуса	кремневые	3
Наконечники стрел	кремневые	8
Скребки	кремневые	37
Сверла	кремневые	8
Проколки	кремневые	7
Острия	кремневые	4
Выемчатые орудия	кремневые	4
Долотовидное орудие на отщепе	кремневые	1
Ножи ретушированные	кремневые	2
Пластины и их фрагменты	кремневые	84
Ребристые пластины	кремневые	3
Плитки и их фрагменты	кремневые	86
Плитки с ретушью утилизации	кремневые	10
Плитки с ретушью	кремневые	18
Конкреции осадочных пород	некремневые	35
Фрагмент наковальни	некремневые	1
Абразивы и их фрагменты	некремневые	20
Тесла шлифованные	некремневые	2
Топоры шлифованные	некремневые	2
Фрагменты шлифованных рубящих орудий	некремневые	9
Ножи шлифованные	некремневые	2
Заготовки шлифованных изделий	некремневые	2
Сколы со шлифованных орудий	некремневые	21
Шлифованные подвески и их заготовки	некремневые	12
Шлифованные диски	некремневые	2
Отщепы	кремневые/некремневые	167
Отщепы с ретушью утилизации	кремневые/некремневые	52
Отщепы с ретушью	кремневые/некремневые	32
Пластинчатые отщепы	кремневые/некремневые	14
Обломки	кремневые/некремневые	37
Осколки	кремневые/некремневые	48
Чешуйки	кремневые/некремневые	14

8–9 мм и 9–11 мм соответственно, если судить по коллекциям стоянок бассейна Вычегды (Косинская, 1988). Основной пик распределения в коллекции Липчинского поселения приходится на пластины шириной 10–15 мм. В случае с толщиной наиболее часто встречаются пластины от 2 до 5 мм.

Большая часть пластин несет следы формообразующей ретуши – 89 экз. из 123 (72,4%), однако среди них выделяется всего 35 морфологически выраженных орудий: 5 наконечни-

ков стрел, 16 концевых скребков, один боковой двулезвийный скребок, один концевой двулезвийный скребок, 4 выемчатых орудия, 4 проколки (рис. 1: 9), 2 сверла, 2 острия. Соответственно, типологический набор орудий из пластин достаточно широк.

Концевые скребки – самая массовая категория орудий из пластин. Во всех случаях «рабочая часть» расположена на дистальной части пластины, зачастую ретушью модифицируются небольшие прилегающие участ-

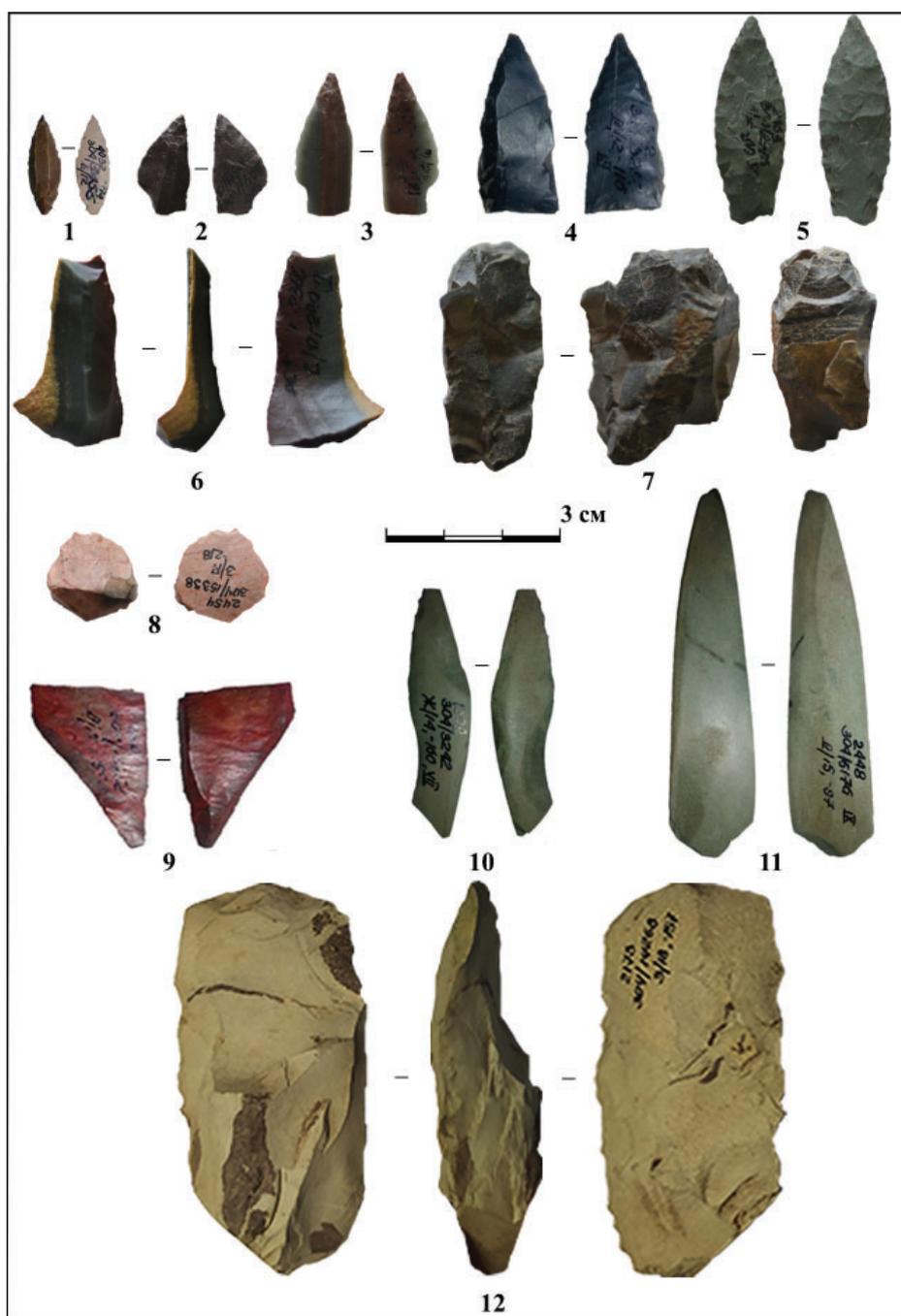

Рис. 1. Каменный инвентарь Липчинского поселения

1–5 – наконечники стрел, 6 – пластина с ретушью, 7 – двуплощадочный клиновидный нуклеус, 8 – полукруглый скребок высокой формы с выступом, 9 – проколка на фрагменте пластины, 10, 11 – шлифованные ножи, 12 – тесло

Fig. 1. Stone inventory from Lipchinskoye site

1–5 – arrowheads, 6 – retouched plate, 7 – two-platform wedge-shaped core, 8 – semi-circular high-shaped scraper with a ledge, 9 – piercer on the fragment of plate, 10, 11 – grinded knives, 12 – adze.

ки латералей. Ширина орудий изменяется в диапазоне от 9 до 18,5 мм, причем наиболее популярный промежуток: 11–15 мм (11 экз.). Самый крупный концевой скребок из яшмы размером 79×18,5×5 мм обработан краевой

крутой дорсальной ретушью по дистальной части и обеим латералям.

Выемчатые орудия в основном были сработаны на фрагментах и сечениях пластин, во всех случаях «рабочая часть» располага-

лась на латералиях. Ширина изделий варьирует от 9 до 16 мм. Наиболее крупное орудие (40×16×5 мм) выполнено на сечении пластины из белой кремнистой породы. Боковой край орудия несет следы ретуши утилизации и имеет выемку с вентральной стороны, образованную одним ударом. Анкош расположен примерно посередине ребра сечения, длина – 10 мм, глубина – 3–3,5 мм, угол наклона выемки — около 20 градусов.

Наиболее интересным элементом коллекции являются *наконечники стрел*. Всего их 8 экз., больше половины (5 экз.) сработаны на пластинах. Выделяются лавролистный наконечник стрелы с выемчатым насадом, подтреугольные наконечники стрел на пластине и отщепе, иволистный наконечник стрелы, обломок тыльной части наконечника с намеющимся черешком, ромбовидный наконечник с выделенным черешком, два наконечника кельтеминарского типа. Наконечники на отщепе обработаны сплошной двусторонней ретушью, наконечники на пластинах – лишь краевой или захватывающей.

Лавролистный наконечник с выемчатым насадом на отщепе (рис. 1: 5) размером 36×12,7×3,5 мм обработан двусторонней сплошной ретушью. Боевая часть в профиле не прямая: имеется утолщение с одной и с другой стороны, образуя латинскую букву «S» в профиле. Показатель общих пропорций составляет 0,353, следовательно, наконечник является среднепропорциональным.

Два подтреугольных наконечника стрел изготовлены на пластине (рис. 1: 4) и отщепе и значительно отличаются друг от друга по размеру: 23×10,5×2,5 мм и 28×14,3×6,9 мм. Второй (на отщепе) – почти в полтора раза массивнее, имеет не снятый бугорок на поверхности ближе к жалу, укорочен (показатель общих пропорций = 0,51), отретуширован полностью с двух сторон. Первый наконечник обработан среднемодифицирующей ретушью, имеет не обработанные участки, насад обломан. Жало сформировано в основном с вентральной стороны несколькими мелкими фасетками.

Иволистный наконечник стрелы на пластине (рис. 1: 1) размером 21×6,8×3 мм обработан среднемодифицирующей распространенной дорсальной ретушью, нанесенной с боковых краев. Жало сформировано двумя крупными фасетками, насад наконечника тоже обрабо-

тан крутой дорсальной ретушью. Показатель общих пропорций составил 0,32, следовательно, наконечник – среднепропорциональный.

Ромбовидный наконечник стрелы с выделенным черешком размером 22,3×12,4×3,9 мм изготовлен на плитке черной кремнистой породы. Наконечник обработан стелющейся захватывающей ретушью, небольшие участки покрыты естественной коркой. Показатель общих пропорций наконечника составляет 0,56, соответственно наконечник – укороченный.

Два наконечника с боковой выемкой сработаны на пластинах (рис. 1: 2, 3) и различаются по размеру 17×9,2×2,6 мм и 25×10,2×3 мм. Оба выполнены из высококачественного кремня. Обработаны распространённой двусторонней ретушью по окончанию пера на 7 и 8 мм соответственно. Латерали наконечников обработаны краевой дорсальной и вентральной ретушью. Большая часть дорсальной стороны изделий не подвергнута вторичной обработке.

Наконечники кельтеминарского типа характерны для неолита Средней Азии и встречаются на широкой территории степной зоны Евразии. Однако современные хорошо задокументированные раскопки показали, что более 100 наконечников с боковой выемкой на Урале и в Зауралье происходят из энеолитических памятников (Чемякин, Погодин, Клементьева, 2015). На Липчинском поселении они находились в перемешанном слое с преобладанием энеолитической керамики. В Нижнем Притоболье кельтеминарские наконечники серийно встречаются в коллекциях памятников шапкульской культуры и в байрыско-лыбаевских комплексах (Волков, 2010). Все это позволяет говорить об энеолитическом происхождении наконечников с боковой выемкой на Липчинском поселении.

Отщепово-плитчатая индустрия Липчинского поселения составляет более 85,3% коллекции, но обладает меньшим типологическим разнообразием. Чаще всего фиксируются скребки нескольких типов: концевые скребки на отщепе случайной формы (10 экз.), подпрямоугольные скребки на отщепе (2 экз.), полукруглые скребки высокой формы с выступом (2 экз.), скребок на поперечном сколе с нуклеуса (Храмцов, 2020). В коллекции присутствуют сверла (5 экз.), проколки (3 экз.), острия (2 экз.) и долотовидное орудие на отщепе.

Сверла сработаны на плитках (2 экз.), на отщепах (2 экз.) и на осколке. Сверла на плитках отличаются сравнительно большими размерами, их «плечики» выделены нечетко. Глубина проникновения в материал составила 2 и 4 мм соответственно. Обработка латералей орудия минимальна и сводится к разрозненным фасеткам ретуши или грубой оббивке. Подобную обработку имеют и сверла на отщепах.

Сверло на осколке размером 28,7×14,2×5,2 мм имеет подромбическую форму в плане, и было сильнее подвергнуто вторичной обработке. Рабочий край орудия и прилегающие участки латералей оформлены захватывающей дорсальной вертикальной непрерывной ретушью. Глубина проникновения в материал составляет минимум 5,5 мм. Один из двух обработанных боковых краев покрыт следами ретуши утилизации.

Проколки изготавливались на отщепах (2 экз.) и обломке. Проколка на обломке размером 21×10×6,2 мм несет следы минимальной подработки: мелкими нечастыми фасетками краевой стелющейся ретуши сработана рабочая часть изделия. Другие две проколки были оформлены на дистальных частях отщепов случайной формы.

Острия на отщепах представляют собой изделия листовидной формы размером 31,4×18×6,2 мм и 22,8×19,1×7,9 мм. Лезвия орудий оформлены на дистальных частях отщепов с прилегающими участками латералей и обработаны краевой двусторонней полукрутой непрерывной ретушью.

Долотовидное орудие на отщепе размером 15×11×2,8 мм обработано дорсальной краевой крутой непрерывной ретушью, нанесенной на дистальный конец орудия. На вентральной стороне заметны три фасетки стелющейся ретуши.

Плитчатые формы в целом использовались ограниченно: из 114 плиток и их фрагментов только 18 экз. несут следы ретуши и еще 10 – ретуши утилизации. Одна из плиток является ножом.

Нож на плитке серого кремня размером 87,5×38×10,7 мм имеет подовальную форму в плане, выделенное лезвие и обушок. Лезвие длиной 40 мм образовано с помощью ряда фасеток двусторонней захватывающей плоской непрерывной двухрядной ретуши. На кромке лезвия заметна мелкая выкрошен-

ность. Лезвие занимает 40 мм бокового края орудия. Обушок длиной 25 мм оформлен мелкими фасетками краевой вертикальной дорсальной ретуши.

Шлифованные рубящие орудия Липчинского поселения представлены 13 экз.: 9 изделий сохранились во фрагментах, из целых форм фиксируются два тесла и два топора из серо-зеленого сланца.

Крупный каменный топор из серо-зеленого сланца размером 118×70×34,9 мм имеет подтреугольную форму в плане, подовальную форму в профиле и подпрямоугольную в сечении. Лезвие симметричное, подпрямоугольное, тыльная часть сужается к обушку, который слегка уплощен. Около половины поверхности орудия зашлифовано, другая половина покрыта сколами утилизации.

Небольшой шлифованный топор из серо-зеленого сланца размером 33×19×9,1 мм фрагментирован: сохранилась чуть больше половины изделия, разделенного вдоль. Лезвие в плане имеет подпрямоугольную форму, на нем фиксируются следы мелкой выкрошенности. Тыльная часть сужается к обушку, который практически не сохранился. Орудие тщательно зашлифовано: на всей сохранившейся поверхности изделия фиксируются линейные следы, перпендикулярные его оси.

Тесло из серо-зеленого сланца (рис. 1: 12) размером 69×34×17,9 мм имеет подпрямоугольную форму в плане, подтреугольную форму в профиле, подтреугольную в сечении. Лезвие в плане дуговидное, симметричное. Тыльная часть сужается к обушку, обушок приострен. Шлифовка распространяется только на дорсальную часть орудия. Тесло имеет слабую сохранность, значительная часть его рабочей кромки не функциональна.

Тесло из серо-зеленого сланца размером 99×39,5×23,6 мм было составлено из двух фрагментов, и имеет подпрямоугольную форму в плане, подтреугольную форму в профиле и подовальную в сечении. Симметричное лезвие в виде плавного полукруга. Обушок слегка уплощен крупной фасеткой. Лезвие было в значительной степени разрушено, следы утилизации заметны на обеих сторонах орудия, но неравномерно.

Шлифованные режущие орудия представлены двумя сланцевыми ножами. Шлифованный нож (рис. 1: 11) размером 71×16,8×5,4 мм

имеет вытянутую подтреугольную форму с заостренным концом. Выражен обушок, насад образован двумя сломами. Нож полностью зашлифован, намечена фаска. Острый конец орудия обломан, обушок сохраняет естественную поверхность.

Шлифованный нож подпрямоугольной формы (рис. 1: 10) размером 48×12×4,3 мм состоит из «рукояти» и лезвия. Кончик ножа обломлен. Лезвие было оформлено фаской с одной из его сторон

Некоторую долю в коллекции занимают сколы со шлифованных орудий (21 из 714 экз.), часть из которых несет следы ретуши утилизации, что свидетельствует о переоформлении орудий на поселении и относительном сырьевом дефиците.

В коллекции присутствуют шлифованные каплевидные (2 экз.) и округлые (1 экз.) *подвески* из бордового и темно-красного шифера, а также их заготовки (8 экз.) и фрагмент одной из них (1 экз.). Они датируются неолитом–энеолитом, локализуются на территории от Среднего Зауралья до Среднего Приобья с запада на восток и от Нижнего Приобья до Барабинской лесостепи с севера на юг. Они встречаются в погребениях и на поселениях (Шорин, Нохрина, 2000; Чаиркина, 2011, Молодин и др., 2016).

Другими интересными артефактами являются шлифованный диск и фрагмент шлифованного диска, которые являются грузилами (Храмцов, 2021).

Стратиграфическая ситуация на поселении достаточно сложная: слои эпохи неолита и энеолита частично перемешаны, т.к. часть построек энеолита вписана в неолитические котлованы. Чистый неолитический слой сохранился лишь по самому дну четырех неолитических построек и в трех канавках. По данному слою была сделана выборка, составленная всего 40 находками. Неолитический материал представлен шлифованным диском, двуплощадочным клиновидным нуклеусом (рис. 1: 7), полукруглым скребком высокой формы (рис. 1: 8), шлифованным сланцевым топором, желобчатыми абразивами, отщепами, осколками, кварцитовыми гальками, плитками, двумя пластинами (рис. 1: 6) и кусками осадочной породы. Обращает на себя внимание крайне небольшое количество пластин и значительный объем абразив-

ных инструментов. Соответственно, большая часть пластин принадлежит энеолитическому слою.

С точки зрения технологии на Липчинском поселении выделяются две основных технологических цепочки. Первая предполагает производство пластин-заготовок с призматических, конических, либо торцевых нуклеусов с помощью отжимной техники. Главным признаком применения отжима является значительное количество пластин правильной огранки (51 экз.). При использовании техники ручного отжима средняя ширина пластин составляет 8–10 мм, а толщина не должна превышать 3 мм (Поплевко, 2007).

В коллекции Липчинского поселения только 42 экз. имеют ширину до 10 мм включительно, из них 34 экз. несут следы вторичной обработки. Толщина пластин шириной до 10 мм (42 экз.) варьирует от 1,1 до 14 мм. Толщина до 3 мм встречается у 22 экз., что соответствует ручному отжиму. Остальные пластины (20 экз.) не составляют единых серий, их толщина очень различается: либо они были сняты с помощью техники удара через посредник, либо представляют собой случайные формы, снятые с помощью ручного отжима

Судя по большому диапазону ширины пластин в коллекции Липчинского поселения, возможно применение как ручного отжима, позволяющего снимать пластины не шире 15 мм, так и техники удара через посредник (Поплевко, 2007). В пользу последнего свидетельствует, что у 8 пластин из 31-ой с уцелевшими ударными площадками фиксируется наличие «губы», что является признаком использования удара через посредник. Учитывая плавные очертания фасеток ретуши, для ретуширования, вероятно, применялся роговой отжимник.

Таким образом, основной техникой пластинчатого расщепления был ручной отжим при подчиненном значении расщепления посредством техники удара через посредник.

Необходимо остановиться на анализе ядрищ. Несколько типов нуклеусов свидетельствует об отсутствии единого способа их производства. Различное сырье ядрищ тоже является аргументом в пользу данного тезиса. Возможно, население Липчинского поселения получало качественное сырье в виде гото-

вых нуклеусов, либо плиток, которые в силу их небольшого размера не сложно перевозить/переносить даже на далекие расстояния.

В коллекции присутствуют незначительные следы поджигления и переоформления ядрищ: продольные (8 экз.) и поперечные (3 экз.) сколы с нуклеусов, ребристые пластины (3 экз.). Зачастую эти отходы производства подвергались вторичной обработке или использовались без ретуши (4 случая).

По сырью пластины и нуклеусы совпадают – пластины из всех видов кремня находят свое место в коллекции Липчинского поселения. Чего нельзя в полной мере сказать о двух клиновидных нуклеусах под отщепы: заготовки, снятые с них, на поселении не выявлены. По сырью пластины и нуклеусы совпадают – пластинчатые заготовки из всех видов кремня находят свое место в коллекции Липчинского поселения. Этого нельзя сказать о двух клиновидных нуклеусах под отщепы: заготовки, снятые с них, на поселении не выявлены. Один из них происходит из неолитического слоя.

Таким образом, первая технологическая цепочка – создание пластинчатых заготовок и орудий на пластинах, вероятно, была основной для энеолитического населения памятника. Важным приспособлением населения к бедности окружающего пространства залежами кремня стал высокий удельный вес ретушированных пластин и орудий из них в каменной индустрии.

Вторая технологическая цепочка связана с производством шлифованных орудий из серо-зеленого сланца. Изначально заготовка подвергалась оббивке – в коллекции присутствует значительное количество необработанных сланцевых отщепов. После оббивки производилась шлифовка. У рубящих орудий шлифованию подвергались в основном грани изделия, шлифовка ребер носила подчиненный характер. Обушок зачастую формировался не шлифовкой, а грубой оббивкой и пикетажем. Более качественному шлифованию подвергались ножи.

В целом, можно констатировать бережное отношение к поделочному сырью: пластинчатая техника позволяла экономить кремнистые породы, а большинство рубящих орудий несут значительные следы использования. Кроме того, часть сланцевых отщепов несут следы

ретуши утилизации (21 экз.) и даже формообразующей ретуши (3 экз.).

Подчиненное положение по отношению к двум четко выстроенным технологическим цепочкам занимает отщеповая индустрия. Из кремневых отщепов в основном были созданы сверла, остря, проколки, а чаще всего – скребки, для которых в данном случае не проводился предварительный отбор заготовок. Типологический набор орудий из отщепов невелик. В качестве инструментов для ударного расщепления служили отбойники из кварцитовых галек.

Некоторое значение в каменной индустрии имела и обработка плиток кремнистого сланца, но использовались они нечасто: из 20 плиток с ретушью только 4 экз. несут следы ретуши утилизации. В целом индустрия Липчинского поселения несет пластинчато-отщеповой характер.

Аналогии и интерпретация

Основным критерием для сравнения комплексов является типология каменного инвентаря и поиск идентичных категорий артефактов. Каменная индустрия энеолитической стоянки Шувакиш I, содержащая остатки липчинских, аятских и шувакишских сосудов, достаточно сильно отличается от инвентаря Липчинского поселения. В коллекции фиксируются два лавролистных наконечника на отщепах, иволистный и кельтеминарский наконечники стрел, присутствуют шлифованные ножи и ножи на плитках идентичные изделиям из инвентаря Липчинского поселения, однако общий состав индустрии пластинчато-отщепово-плитчатый и характерно большее разнообразие заготовок (Чаиркина, 2005).

Понимая специфику каменного инвентаря погребальных памятников, но за неимением большого количества «чистых» липчинских контекстов, в сравнении был использован каменный инвентарь погребений липчинской культуры (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) могильника на Большом Андреевском озере. Коллекция включает 502 каменных предмета: 107 наконечников стрел, 393 шлифованных подвески, два ножа и несколько отщепов. Наконечники стрел сработаны из сланца (шлифованные иволистные с желобком и выемчатым насадом) и кварцита (рыбковидные и иволистные с прямым и вогнутым основанием). Подвески изготовлены из сланца, имеют каплевидную,

округлую или овальную форму, их отверстия просверливались как с одной, так и с двух сторон. По размерам сопоставимы с подобными изделиями из коллекции Липчинского поселения, но отличаются по сырью (Зах, Зотова, Панфилов, 1991).

Каменная индустрия стоянки Шитовской исток XI, где было раскопано жилище аятской культуры, носит выраженный отщеповый характер (541 из 737 экз.), пластины составляют 15,7% от коллекции (116 экз.), но набор орудий из них крайне невелик: острия и скребки (Зырянова, Клементьева, 2004). Каменный инвентарь поселения Макуша III, содержащего раннеаятскую керамику, имеет плитчато-отщеповый характер. В сооружении 1 было обнаружено 437 предметов: 40,1% плиток, 36,6% отщепов, 8,7% пластин без следов вторичной обработки; в постройке 3 содержится 50,2% отщепов, 23,8% пластин без следов использования, 6% плиток без обработки. В коллекции фиксируется 12 наконечников стрел, относимых к типу листовидно-асимметричных с асимметрично-выемчатым основанием на отщепе (Чаиркина, 2005).

Большая часть рассмотренных неолитических комплексов Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья также не обладает значительным сходством с каменной индустрией Липчинского поселения: Уральские Зори II, Исетское Правобережное, Гилево VIII, Ташково I, Дуванское V, ЮАО V, Мергенъ 6 (Серигов, 1991; Кернер, 1991; Дрябина, Пархимович, 1991; Ковалева, Ивасько, 1991; Стефанов, 1991; Алексашенко, Викторова, 1991; Зах, Скочина, 2009). Не были найдены аналогии даже неолитической выборке.

Интересные совпадения с индустрией Липчинского поселения имеет комплекс каменного инвентаря полуденской культуры Кедровый мыс-1 в Южном Зауралье (Скочина, Мосин, 2021). В обоих комплексах фиксируется большое количество концевых скребков на пластинах, высокая доля их ретушированности, большая доля пластин с ретушью при малом количестве морфологически выраженных орудий и совпадение двух типов наконечников стрел: лавролистных с выемчатым основанием на отщепе и иволистных на пластине.

Каменная индустрия Липчинского поселения достаточно специфична. В сырьевом аспекте древнее население было практически

«всеядным»: кроме качественного кремня и кремнистых пород, они использовали кварцит (в гальках), черный кремнистый сланец (в плитках), серо-зеленый и другие виды сланца.

Часть пластинчатого комплекса Липчинского поселения явно имеет кокшаровско-юрьинское ассоциации, однако судя по существующей неолитической выборке, она очень невелика. Пластинчатая индустрия несет синкретичные черты: средний размер пластин и преобладание краевой ретуши, соответствующие эпохе раннего неолита, сосуществуют со значительной долей пластин, подвергнутых вторичной обработке, что характерно для энеолитической эпохи.

Технологические традиции, как и любые другие, могут рассматриваться в качестве механизма самосохранения культуры и концентрированного выражения социально-исторического опыта. Традиции всегда вступают в оппозицию инновации – новой технологии и новой модели деятельности (Массон, 1996). Исходя из данной позиции, мы рассматриваем пластинчатую индустрию Липчинского поселения как элемент неолитической культуры, который сохранился и в эпоху энеолита, приобретя специфичные для него черты, такие, как большой удельный вес ретушированных предметов. Но появляются и новации: шлифованные ножи, крупные пластины, регулярное использование ретуши, высокая доля морфологически выделенных орудий. Таким образом, пластинчатая индустрия Липчинского поселения эволюционно вытекает из предыдущей неолитической эпохи.

Отщеповая индустрия Липчинского поселения не несет атрибутивных признаков. Типологический набор, способ производства отщепов посредством ударной обработки, принципы нанесения ретуши не выделяют отщеповый комплекс из ряда других проанализированных памятников.

Заключение

Каменная индустрия Липчинского поселения Нижнего Притоболья имеет пластинчато-отщеповый характер. Несмотря на небольшой удельный вес пластин в комплексе (14,7%), очень велик вес ретушированных пластин (72,4%), в результате чего орудия из пластин имеют широкий типологический ассортимент: концевые и боковые скребки, наконечники стрел, проколки, сверла, острия, выемчатые орудия. Из отщепов в основном создавались

скребки различных типов, проколки, сверла, остря. Шлифованный комплекс невелик и представлен теслами, топорами и ножами.

На Липчинском поселении фиксируются две основных технологических цепочки: пластинчатое расщепление через стадию нуклеуса и последующее ретуширование пластин-заготовок и оббивка плиток серозеленого сланца с последующим шлифованием. Основным способом снятия пластин был ручной отжим, но использовалась и техника удара через посредник. Отщеповое расщепление и обработка плиток кремнистого сланца производилась на поселении, но носит подчиненный характер.

Слои неолита-энеолита на Липчинском поселении частично перемешаны, а в энео-

литическом горизонте совместно залегают андреевская, шапкульская и липчинская керамика. Несмотря на это, со значительной долей достоверности был получен срез каменной индустрии энеолитического слоя Липчинского поселения. Для него характерно преобладающее использование пластинчатой индустрии, что достаточно редко встречается в энеолите Среднего Зауралья.

Некоторые аналогии возникают при сравнении с полуденским комплексом Кедровый мыс-1. Синкретичные черты каменного инвентаря Липчинского поселения довольно специфичны. Определение его специфики требует дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексащенко Н.А., Викторова В.Д.* Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 161–183.
- Волков Е.Н.* Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 15–26.
- Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю.* Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 100–111.
- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н.* Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1991. С. 13–42.
- Зах В.А., Скочина С.Н.* Ранний комплекс поселения Мергенъ 6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002 и 2004 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №11. С. 16–28.
- Зырянова С.Ю., Клементьева Т.Ю.* Энеолитический комплекс поселения Шитовской исток XI // Четвертые берсовские чтения / Отв. за вып. С.Н. Панина. Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 45–58.
- Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.
- Ковалева В.Т., Ивасько Л.В.* Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.
- Косинская Л.Л.* Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 11 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1988. С. 33–47.
- Массон В.М.* Исторические реконструкции в археологии. Самара: ТОР, 1996. 103 с.
- Молодин В. И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С.* Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерovo-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2 (44) С. 30–46.
- Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий / Труды ИИМК РАН. Т. 23. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.
- Сериков Ю.Б.* Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.
- Скочина С.Н., Мосин В.С.* Каменный инвентарь полуденского комплекса стоянки Кедровый мыс-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №3. С. 34–46.
- Стефанов В.И.* Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Храмцов М.В. К вопросу о шлифованных дисках Среднего Зауралья: технология, функция, интерпретация // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 328–334.

Храмцов М.В. Типологический и трасологический анализ скребков Липчинского поселения (по материалам раскопок 1995 – 1996 гг.) // Материалы LX Российской археолого-этнографической студенческой конференции студентов и молодых ученых с международным участием / Отв. ред. И.М Бердников. Иркутск: ИГУ, 2020. С. 91–92.

Чаиркина Н.М. Археологическое исследование Липчинского поселения // Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1995 г. Екатеринбург, 1996 г. / Архив ИИА УрО РАН. Ф.2. Д.768.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам культово-погребальной площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.

Челякин Ю.П., Погодин А.А., Клементьева Т.Ю. Кельтеминарские наконечники стрел на Урале и в Зауралье // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2015. С. 188–194.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 7–72.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с.

Шорин А.Ф., Нохрина Т.И. Погребальный обряд энеолитического населения Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 96–106.

Информация об авторе:

Храмцов Михаил Вадимович, младший научный сотрудник, аспирант 1-го года обучения, Институт истории и археологии Уро РАН (г. Екатеринбург, Россия); khramtsov1475@gmail.com

REFERENCES

Aleksashanko, N. A., Viktorova, V. D. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 161–183 (in Russian).

Volkov, E. N. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (1), 15–26 (in Russian).

Dryabina, L. A., Parkhimovich, S. Yu. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 100–111 (in Russian).

Zakh, V. A., Zotova, S. V., Panfilov, A. N. 1991. In Matyushchenko, V. I. (ed.). *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtys'ya (Ancient burials of the Ob-Irtys' rivers basin)*. Omsk: Omsk State University, 13–42 (in Russian).

Zakh, V. A., Skochina, S. N. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (11), 16–28 (in Russian).

Zyryanova, S. Yu., Klement'eva, T. Yu. 2004. In Panina, S. N. (ed.). *Chetvertye bersovskie chteniya (IV Bers's readings)*. Ekaterinburg: "AKVA-PRESS" Publ., 45–58. (in Russian).

Kerner, V. F. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 46–67 (in Russian).

Kovaleva, V. T., Ivas'ko, L. V. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 112–131 (in Russian).

Kosinskaya, L. L. 1988. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Pamiatniki epokhi kamnia i metalla Severnogo Priural'ia (Stone and Metal Age Sites from Northern Ural Region)*. Series: Materials on the Archaeology of European Northeast 11. Syktyvkar, 33–47 (in Russian).

Masson, V. M. 1996. *Istoricheskie rekonstruktsii v arkheologii (Historical reconstructions in archaeology)*. Samara: "TOR" Publ. (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Nesterova, M. S. 2016. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 44 (2), 30–46 (in Russian).

Poplevko, G. N. 2007. *Metodika kompleksnogo issledovaniia kamennykh industrii (Methodology of the Complex Research of Stone Industries)*. Series: Trudy Instituta Istorii material'noi kultury RAN (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Serikov, Yu. B. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 32–45 (in Russian).

Skochina, S. N., Mosin, V. S. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (3), 34–46 (in Russian).

Stefanov, V. I. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 144–160 (in Russian).

Khramtsov, M. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 328–334 (in Russian).

Khramtsov, M. V. 2020. In Berdnikov, I. M. (ed.) *Materialy LX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy studencheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem (Proceedings of the LX Russian archaeological and ethnographic student conference of students and young scientists with international participation)*. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU. 91–92. (in Russian).

Chairkina, N. M. 1996. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Sverdlovskoy oblasti v 1995 g. (Report on archaeological studies in the Sverdlovsk region in 1995)*. Ekaterinburg. Archive of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund. 2, dossier 768 (in Russian)

Chairkina, N. M. 2005. *Eneolit Srednego Zaural'ia (The Eneolithic of the Middle Urals)*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Chairkina, N. M. 2011. *Pogrebal'nye komplekсы epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ya (po materialam kul'tovo-pogrebal'noy ploshchadki Skvortsovskaya gora V) (Burial assemblages of the Eneolithic and Early Iron Age in the Trans-Urals (according to the materials of the cult-burial site Skvortsovskaya Gora V))*. Ekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Pogodin, A. A., Klemet'ev, T. Yu. 2015. In Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy: Sb. statey, posvyashhenniy 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina (Archaeology of Western Siberia and the Altai Mountains: Interdisciplinary Research Experience: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryunin)*. Barnaul: Altai State University Publ., 188–194 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. (ed.). *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya (Ancient history of the Lower Ob region)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–72 (in Russian).

Shorin, A. F. 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza (Chalcolithic of Ural and Adjacent Territories: Issues of Cultural Genesis)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shorin, A. F., Nokhrina, T. I. 2000. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2 (2), 96–106 (in Russian).

About the Author:

Khramtsov Mikhail V. Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Science. S. Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation; khramtsov1475@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.